

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1(075.8)

САМОПОЛАГАНИЕ НАУКИ И ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЯ

В.П. РИМСКИЙ¹⁾
Г.Н. КАЛИНИНА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*²⁾ Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры*

e-mail: galakalina@inbox.ru

В статье реализовано философско-методологическое уточнение концептов «превращенная форма» и «превращенные формы знания», что позволяет не только определить их специфику и в дальнейшем проследить метаморфоз и функционирование подобных «превратностей» в целостных конкретно-исторических системах знания, но и выявить на данной основе «границы науки» и «другого знания» (вненаучных форм знания) в разные культурно-исторические периоды, установить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах с наукой.

Ключевые слова: превращенная форма, метаморфоз, деструктивная превращенная форма, научная форма знания, донаучные и вненаучные формы знания, превращенные формы знания, маргинальные и деструктивные формы знания.

Сразу же следует оговориться, что для исследования различного рода *псевдопредметностей, превращенных и извращенных форм* огромное значение имеет методология Маркса, талантливо истолкованная и просвеченная М.К. Мамардашвили¹. Он показал, что подобная форма существования выступает продуктом замещения, трансформации и превращения внутренних отношений той или иной сложной системы, которые происходят на определенных уровнях и этапах ее развития и своими «косвенными выражениями» скрывают «онтологическую» специфику внутрисистемных отношений. Такие «превращения» претендуют на самостоятельное бытийствование в системе в виде отдельного, качественно цельного явления или «предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности», по его интерпретации, и состоит суть превращенной формы: она видимым и практически достоверным для нас образом представляется как особое образование, как «субстанция» наблюдаемых свойств, выступая конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом². Здесь для нас важно отметить ак-

¹ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1968. – №6. – С. 14-25; Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 386-389 (переиздание: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 295-328); Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1984; и др.

² Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. – М., 1970. – С. 386.

туализацию М.К. Мамардашвили системной методологии в горизонте творческого потенциала диалектики, в том числе марксистской.

Мы в свое время отмечали, что еще Гете и романтики, Шеллинг и Гегель заложили фундамент системной методологии (термин «система» связан с построением их философских конструкций, впервые и названных «системами»). Для немецкой классической философии системные идеи, прежде всего, возникали в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории *целостности*. При этом сама целостность понималась как органическая система, не только проходящая через ряд форм (метаморфозов) в своем развитии, но и трансформирующаяся в целостность другого порядка, как правило, более сложную, более развитую органическую целостность³. Однако, «превращения» в таких системах классиками философии не рассматривались в качестве деструктивных формообразований, а выступали вполне закономерными, нормативно-органическими продуктами самополагания систем.

Подобный классический подход к «превращенным формам», выступающим как моменты органических метаморфозов диалектического самополагания и развития систем, присутствовал во многих работах Э.В. Ильенкова, прежде всего, посвященным проблеме идеального как абстрактно-всеобщего, что позволяло подойти к диалектике понимания идеального как «превращенной формы материального» («отражения», «снятости», «представленности»)⁴. Идеальное как функция, момент конкретно-исторических социальных организмов в интерпретации диалектической логики Э.В. Ильенковым представляет собой метаморфоз эмпирически фиксируемых реальных и предметных форм материальной и духовной культуры, форм общественно-коллективного и субъективно-индивидуального сознания и речевого общения. Причем, ни одна из таких форм не может быть принята за «идеальное в чистом виде» – они сами только «видимость», «представленность» идеального, существующего как способ движения, развития этих феноменологических форм. Мы в ряде наших работ⁵ отмечали, что чистые формы идеального существуют как формы человеческой универсальной деятельности: материально-предметной, коммуникативной, знаково-символической, дискурсно-концептной, эмоциональной, игровой, мыслительно-волевой, эстетической, религиозной, нравственной, которые и проявляются как *ипостаси идеального*. Идеальное, укорененное в человеческом бытии, рождается в конкретно-исторических формах культуры. Есть только конкретные феномены культуры, в которых нам *явлено идеальное* как его *сущностная* характеристика, идеально-феноменологический аспект бытия культуры и человека.

Разумеется, можно назвать целый ряд работ, авторы которых посвятили свои исследования методологии культурно-исторических и социальных метаморфозов иллюзорных, извращенных и превращенных форм⁶. Хотелось бы остановиться на одной из

³ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 43.

⁴ Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. – С. 219-227; Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – №6. – С. 128-140; №7. – С.145-158; Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М., 1984; Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984; и др.

⁵ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 35-41; Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 35-36; и др.

⁶ Режабек Е.Я. Гете о проблеме становления органических целостностей // Философские науки. – 1982. – №3. – С. 90-97; Режабек Е.Я. К вопросу о диалектике саморазвития // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 38-45; Режабек Е.Я. Категории органической целостности в диалектике Гегеля // Известия СКЦ ВШ. Общественные науки. – 1981. – №3. – С. 26-31; Режабек Е.Я. Особенности органических систем и принцип историзма // Вопросы философии. – 1981. – №5. – С. 29-38; Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д, 1993; Ермоленко А.Н., Райда К.Ю. Превращенные формы социальной рациональности (Критика буржуазных концепций) – Киев, 1987; Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.-Г. Юнга // Вопросы психологии. – 1999. – №2; Новикова О.С. Национальное самосознание как «форма превращенная» социальных отношений. – М., 1998; Бакулов В.Д., Перетяжкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов

них, в которой, на наш взгляд, дана достаточно полная и адекватная экспликация идей М.К. Мамардашвили, в которой В.Д. Бакулов выделяет три типа превращенных формообразований. Он отмечает, что *первый тип* «превращенных форм» характеризуется *замещением* реальных связей и взаимосвязей системы «косвенными» формообразованиями: «Характер этих взаимоотношений выражается в переворачивании наиболее фундаментальных *содержательных определений* внутренних взаимосвязей системы: целое замещается в косвенном выражении частью, манифестирующей себя в роли целостности, всеобщее замещается отдельным, конкретное – абстрактным и т.п.»⁷. Отметим здесь основной момент «превращения» – *замещение целого частью*, которое чаще всего носит характер *видимости* или *имитации*. На наш взгляд, здесь нет еще какого-либо *радикального* отступления от «нормы» системы или «нормальной системы (что считать при этом «нормой» и «нормальной системой» всегда остается как бы открытым вопросом), а тем более от «нормального» метаморфоза нелинейных и органических систем и диалектики формообразования (о чем, собственно, и пишет Г.Ф. Перетятыкин в этой же монографии в своем разделе).

Е.Я. Режабек писал: «Из философов XVIII века И.В. Гете первым пришел к выводу, что развитие не может быть простым эпигенезом (epi – над, genesis – рождение), т.е. исходная форма развития некоторой целостности не есть пассивный пластический материал, из которого внешние причины и условия могут лепить любую структуру, любую организацию. Над исходной формой кумулятивным порядком не надстраиваются все новые и новые структуры. Организация трансформируется от простого бытия к сложному в силу собственного метаморфоза первичной структуры. Продуктом метаморфоза являются гештальты, т.е. надэлементные образования, структурные подразделения или органы, вырабатываемые системой деятельности из недифференцированного зачатка (зародыша) целостности. Каждый гештальт отличается своим особым, специфическим содержанием, подчиненным всеобщему бытию целостности»⁸. Таким образом, любая органическая целостность в своем становлении и развитии проходит ряд метаморфозов, органических превращений, и предстает как формообразованная целостность.

Например, если в абстрактном определении знание выступает как форма «социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»⁹, то можно отметить наличие подобных «превращенностей» в любых конкретно-исторических системах знания, которые связаны с реальным культурно-символическим существованием тех или иных способов познавательной активности человека в широком историческом и социальном «контексте культуры», если не использовать терминологию детерминации. Подобные «превращенные формы», на наш взгляд, не являются чем-то специфически присущим только «капиталистическим» социально-историческим системам, как можно заключить, следуя логике М.К. Мамардашвили и его интерпретаторов. Это, наверное, *универсальный тип метаморфоза* нелинейных и органических систем, который не несет в себе деструктивности или «извращенности», а выступает, например, иррациональным (парадоксальным) способом бытия различных исторических типов рационализма (знания). В этом плане, наверное, можно рассматривать миф как превращенную форму знания¹⁰, присущую не только органическим способам бытия человека в первобытных культурах, но и в «зрелых» культурно-цивилизационных системах.

н/Д, 2009; Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. – Москва – Ростов н/Д, 2011; и др.

⁷ Бакулов В.Д., Перетятыкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 241.

⁸ Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д., 1993. – С. 79.

⁹ Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. – М., 2010. – С.51.

¹⁰ Подробнее см.: Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60; Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003; Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2007. – С. 7-34; Римский В.П., Ковальчук О.В. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифо-

Далее автор выделяет *второй тип* превращенных форм, который также не является чем-то из ряда вон выходящим и присущим только «современности», т.к. опять же имеет наличие во всех культурах и *идеально-символических способах деятельности человека*. «Второй тип видообразований, – пишет В.Д. Бакулов, – представлен таким характером взаимоотношений подвергшихся превращению фактических взаимосвязей системы и замещающих их квазиобразований, который выражается в манифестации косвенными выражениями *качественно иной* «предметности» и «содержательности» по сравнению с действительной. Эта манифестация может определенным образом варьироваться, и тогда косвенные выражения могут принимать вид либо «субстанции» данных свойств и отношений, либо обособившееся внешнее выражение содержательных отношений заменяет их иным отношением, которое сливается, выступает как *синкретическое* целое со свойствами *субстрата самой внешней формы*. Однако здесь еще сохраняется определенная соотнесенность квазиобразований с фактически исходными взаимосвязями и атрибутами объектов»¹¹. Здесь речь идет о том, что в рамках той или иной системы возможны уже содержательные трансформации, когда «превращенная форма» перехватывает инициативу и «перетягивает одеяло на себя», существенно модифицируя исторически «нормативную систему», порой до неузнаваемости.

В конкретно-исторических системах культуры это связано, например, с такими феноменами, когда та или иная форма знания начинает «доминировать» (например, философия в античности или теология в средние века), подчиняя себе все другие и бросая на них или «свет», или «тьму» (обычно считается, что «философия» высвечивает потаенные «уголки и закоулки» знания, в том числе и религиозно-мифологического, а «религия» и «теология», наоборот, затемняют все и вся, в том числе и «философию» и «науку», что, конечно, в лучшем случае наивно).

И, наконец, В.Д. Бакулов выделяет *третий тип*, который можно назвать «*извращенные формы*» (подобное выражение встречается у многих авторов, в том числе у К. Маркса и М.К. Мамардашвили). Этот тип превращенных форм «реализуется в *иррациональных по своей природе выражениях действительных взаимосвязей системы, качеств и свойств ее структурных компонентов, полностью скрытых, восполненных и замещенных* квазипредметностями косвенных выражений. По своему внешнему воплощению, в качестве объективных данностей превращенной формы эти квазиобразования могут представлять собой систематизированные и определенным образом упорядоченные, логически непротиворечивые построения, однако самым превратным и фантастическим образом воспроизводящие замещаемые ими реальные объекты. Данный тип видообразований превращенной формы представляет собой наиболее трудный вариант для их содержательного анализа»¹². Отметим, что и данный тип превратностей также носит универсальный характер и встречается во всех типах социально-исторических и культурно-цивилизационных систем. Относительно форм знания можно выделить такие «иррациональные формы», которые имеют место в различных культурно-исторических системах знания (например, магия, астрология, алхимия и каббалистические «знания» и «практики» в контексте христианской теологии и философии, а тем более в нашей современности).

Со сделанными оговорками можно принять то определение превращенных форм, которое дает В.Д. Бакулов: «Если дать примерное определение природы превращенности действия (превращенной формы) сложной социальной духовно-практической системы, то оно будет следующее. По своей *природе* превращенная форма представляет собой специфические *способ строения или деятельности* сложной системы, при которых происходит извращение (кстати, «извращение» и «превращение» как рефлексия и «переворачивание» – не одно и то же – авт.) определенных взаимосвязей и отношений данной системы, свойств и качеств составляющих ее структуру компонентов, выражающееся в

логией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; и др.

¹¹ Бакулов В.Д., Перетягивкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 241.

¹² Там же. – С. 241-242.

том, что их реальное и *фактическое содержание* выключается, скрадывается и *замещается* некими *косвенными* выражениями, которые, *будучи лишь видимостями или кажимостями, тем не менее выступают как объективные данности*, цельные предметы и *практически* достоверным образом выполняют в системе функции замещенных ими отношений, взаимосвязей, качеств и свойств»¹³. Но, учитывая сделанные нами ремарки в адрес понимания превращенных форм, мы не можем согласиться со следующим заключением автора: «Одной из важнейших характеристик природы превращенных форм является то, что она действует в основном как «эпилог», «вывод» процессов развертывания жизнедеятельности социальных систем»¹⁴. Это далеко не так.

Во-первых, превращенные формы, как мы указали выше, являются закономерными моментами развертывания и самополагания (метаморфоза) любых сложных систем (и не только социальных) *на всех их стадиях* – от генезиса до гибели. В принципе превращенные формы характерны для функционирования всех сложных нелинейных систем – эффект превращенности и делает их гибкими, открытыми.

В этой связи интересно обратиться к идеям метаморфоза классиков философии. Например, и у Гете, и у романтиков, и у Шеллинга диалектика целостнообразования (метаморфоз) происходит лишь внутри наличной органической системы, замыкается в круг простого воспроизводства форм по матрицам неких первичных «прафеноменов» (Гете) или «прасимволов» (Шеллинг). Развитие оказывается производством форм по вечным первообразам (возвращение к платонизму), история предстает как вечный круговорот, своеобразное мифотворчество. Хотя, как отмечал в свое время Е.Я. Режабек, у Шеллинга наблюдается интерес к промежуточным, неустойчивым, переходным состояниям, которые получают даже название «аморфона» – это уже предпосылка для рассмотрения трансформации данной, наличной целостности в целостность более высокого порядка¹⁵. Диалектика формообразования, метаморфоз целостности находит дальнейшую конкретизацию в философии Гегеля – он уделяет большое внимание движению от одной целостности к другой через преодоление состояний переходности, бесструктурности. «Становление есть нераздельность бытия и ничто, – утверждал Гегель, – не единство, абстрагирующееся от бытия и ничто; как единство *бытия и ничто* оно есть это определенное единство, или, иначе говоря, такое единство, в котором *есть* и бытие, и ничто. Но так как каждое из них, и бытие, и ничто, нераздельно от своего иного, то *их нет*. Они, следовательно, *суть* в этом единстве, но как исчезающие, лишь как *снятые*... Становление есть неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат»¹⁶. Собственно, процесс снятия и есть *переходный* промежуток, который у Гегеля осуществляется плавно и постепенно – эволюционно. Для Гегеля и прехождение (гибель системы, выражаясь нормальным языком), и возникновение диалектически равноценны: развитие в гегелевской диалектике осуществлялось от низших форм – к высшим, т.е. *прогрессивно*.

Разумеется, и Гегель, и его последователи (в особенности К. Маркс) были далеки от плоского эволюционизма и прогрессизма. История с позиций гегельянства представляет более сложный процесс развития, нежели чисто логическое развитие абсолютной идеи. «Во всемирной истории есть несколько больших периодов, которые прошли таким образом, что развитие по-видимому не подвигалось вперед, а, напротив того, все огромные культурные приобретения уничтожались»¹⁷. Нас интересуют не отдельные высказывания Гегеля, а возможность применимости гегелевской логико-методологической схемы анализа понимания метаморфоза сложных систем и превращенных форм как моментов и условий их развития. И здесь следует признать, что, несмотря на отдельные интересные догадки, в том числе и приведенные выше, у Гегеля не было «интереса» к анализу *переходных системных образований, деградированных, превращенных, извращенных или деструктивных форм*, а тем более целостных систем. Марксизм изначально создавался

¹³ Бакулов В.Д., Перетяцкий Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 244.

¹⁴ Там же. – С. 242.

¹⁵ См.: Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д., 1993. – С. 80.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. I. – М., 1970. – С. 166, 167.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. Т. VIII. – М.-Л., 1935. – С. 53.

как радикальное, революционное движение. Отсюда то постоянное внимание, которое испытывали марксисты к переломным, *переходным формам и периодам* человеческой истории (только почему нынешние «марксисты» не смогли осмыслить должным образом события в современной России?), к феноменам революции. Но, собственно, «классическая» диалектика и «скачки» признаются и здесь только для «прогрессивного» развития к высшему общественному состоянию.

Однако, если быть последовательным в пространстве диалектики, то она предполагает, что прямого пути в развитии нет: революция может вызывать определенный *регресс*, новое возникает часто в результате *отката назад* (собственно, термин «революция» в своей изначальной, естественнонаучной семантике это и обозначал). Система как бы *соскальзывает* назад в культурно-историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, *отживших превращенных форм*. Более того, очень часто наиболее «прогрессивные» элементы и структуры («новое») оказываются еще нежизнеспособными, слабыми перед напором революционного хаоса, несущего в себе и разрушительный, и созидательный заряд. В кризисных условиях общество не только *имитирует старые формы*¹⁸. Разрушается вся и вертикальная иерархия, и горизонтальное сопряжение устойчивых структур и элементов. Именно на этой стадии (кризиса старой системы и генезиса новой) также возникают различные типы превращенных форм, на которые почему-то не обращают внимания. Это *общесистемная* логика, характерная для всех сложных органических систем, о чем свидетельствуют и посылы *синергетики*.

Прежде чем заканчивается «цементирование» целостности, она проходит и стадию генезиса, и существование на основе простого, формального основания, которое само по себе чаще всего и является «превращенной формой» *как прошлого, так и будущего бытия* системы. Собственно, *будущие превращенные формы* (элементы и структуры) могут возникнуть еще на стадии стабильного существования старой системы жизнедеятельности: иногда они выступают как *новообразования*, иногда маскируются и *имитируют старые формы и структуры*. Что же это за новообразования? Почему они создают эффект «превращенности»? Новое не рождается мгновенно, и тогда возникает ситуация, когда уцелевшие органы старой системы (атавистические) принимают на себя выполнение несвойственных им функций. Полифункциональность органов и элементов системы в ситуации нестабильности и аморфности неминуемо ведет к примитивизации деятельности как отдельных органов и подсистем, так и всего целого социокультурного организма. В любой достаточно сложной нелинейной системе обязательно могут существовать *инородные вкрапления, превращенные формы*, т.е. элементы и структуры, которые не несут основной «системной нагрузки», не играют существенной роли в процессах самополагания и самообоснования системы. Мы и здесь получаем эффект *превращенности*. Однако, в определенных условиях (кризисности, застойности и т.п.) эффект превращенности доводит до степени *извращенности, иррационализма и деструктивности (антисистемности)*.

Подобные превращенные формы (подсистемы) можно разделить на две разновидности по их происхождению¹⁹. Во-первых, *атавистические превращенные формы*, т.е. доставшиеся в качестве «наследства» от прежних стадий органического развития и даже от других систем (феномен наследования отживших культурно-исторических и культурно-символических форм, в том числе и мертвых, *атавистических форм знания*) и не прошедшие стадию «переплавки», полной приспособленности (отрефлексированности) к существованию новой системы. Во-вторых, *деструктивные превращенные формы*, т.е. подсистемы, которые не играют никакой роли в жизнеобеспечении системы, а порой даже мешают «нормальному» ее существованию (иногда подобную деструктивную роль могут

¹⁸ Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т.8. – М., 1957. – С. 119.

¹⁹ Ниже мы развиваем идеи, частично изложенные нами ранее. См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 43-63; Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: под ред. В.П.Римского. – Белгород, 2008. – С. 300-333, 375-390; Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008. – С. 12-70.

выполнять и атавистические превращенные формы, очень долго существуя в латентной, скрытой форме, пока не возникнут соответствующие условия для их активизации).

Атавистические и деструктивные превращенные формы носят на протяжении почти всей истории социокультурного организма чисто *паразитический характер*. Такими *паразитами* могут выступать религиозные секты, политические партии, демографические группы маргинального типа (воры, разбойники, проститутки, мафия, контрабандисты), социальные страты и отдельные индивиды (бродяги и нищие), определенные культурные и ментальные формы (в том числе и такие *атавизмы* как *донаучные формы знания*, которые даже в наши дни очень удачно мимикрируют «под науку», имитируя ее способы самополагания). Паразитические превращенные формы могут достаться обществу в виде атавизма от предшествующих обществ, но могут и возникнуть в историческом поле данного общественного целостнообразования (феномен «*антинауки*», наверное, следует рассматривать как продукт «позднего модерна»).

Превращенная форма как *деструктивное новообразование* может появиться в таких условиях, которые могут и не быть какими-то «генетическими» (болезнь роста), «экстремальными» или кризисными. Скорее наоборот, новообразования возникают в *ситуации застойности*, определенной смертностью и закостенелости системы. Вот здесь, в этом «итоге» и «эпилоге» социальной системы («эпилог» может наступить даже на стадии «зрелости», а не «старости», когда при жизни системы можно писать эпитафию!) возникают не просто те три типа превращенных форм, на которые обратил внимание В.Д. Бакулов, а совершенно иной их тип – *деструктивные превращенные формы*.

Аналогии можно найти и в живой природе: омертвление тканей всегда сопровождается появлением новообразований (различного рода наростов и опухолей). Замедление жизненных циклов организма часто приводит к тому, что один из органов вдруг начинает играть не свойственные ему роли, функционировать по другим «моделям», деформируется или деградирует, превращается в специфическое «извращенное» новообразование. Примеры можно привести из сферы медицины: простые опухоли и онкологические. Первые усугубляют болезненное состояние организма, но после или внешних вмешательств хирургического типа, или внутреннего напряжения организма подобные превращенные формы (патологии) могут быть устранены. Онкологические новообразования начинают *стягивать на себя* все жизненные циклы, перестраивают все элементы и структуры, ведут в конечном итоге к перманентному кризисному состоянию организма и, в конце концов, к его гибели. Подобное состояние и характерно для деструктивных превращенных форм исторического бытия.

Они весьма долго существуют как упрощенные, специализированные, нежизнеспособные монстры, способные к *имитации жизни* лишь за счет паразитического существования, подпитываясь энергией доминантной, «нормальной» системы. Их «вампиризм» становится гипертрофированным на стадии системного кризиса, когда жизнеспособные подсистемы стягиваются к деструктивно-превращенным формам («антисистемам») как *псевдоцентру*, который начинает перестраивать всю старую (или «нормальную») систему по своему образу и подобию и доводит ее до степени максимального упрощения... как *пролога будущего многообразия*.

В сложных социальных системах атавистические превращенные формы и/или деструктивные новообразования могут играть и играют как *разрушительную*, так часто и творческую, *созидательную роль*: разрушительная стадия деятельности превращенных форм может органично переходить в созидательную. Логика системного развития, предполагая бесконечное многообразие исторических ситуаций в период кризисной неопределенности, ведет систему, в конечном счете, к той точке бифуркации (развилке исторических путей), в которой выбор происходит между двумя вариантами.

Первый вариант: путь исторического многообразия, когда система, преодолев хаос и неопределенность переходного «революционного» периода, обретает органические основания, проходит ряд трансформаций эволюционного характера и превращается в формообразованную органическую целостность, *универсальную* систему. Но в ситуации деструктивности и хаоса возможен и *второй вариант*, который «выбирают»: становится возможен *деструктивный, превращенный вариант* исторического развития организмов, *путь упрощения и унификации* как всей целостности, так и отдельных жизнеобес-

печивающих подсистем. И не последнюю роль в разрушительном «свободном выборе» играют превращенные (атавистические и деструктивные) элементы и структуры, их паразитическая «развитость» и степень проникновения во все подсистемы. Они и оказываются той «парадигмой» и матрицей, которая воплощается в социокультурных архетипах и социокодах тех или иных социокультурных организмов и их подсистем.

Недостаток жизненных сил системы компенсируется как созданием новых органов, воспроизведенных по матрицам превращенных форм, так и приспособлением в уродливых конфигурациях традиционных, «старых» форм (например, общественных институтов, культурных символов и механизмов). Социальные извращения и иррациональные механизмы жизнедеятельности дополняются непомерным идеологическим мифотворчеством и созданием на его основе ментально-идеальных *монстров рационально-иррационального типа*, к каковым можно отнести, например, и современную «паранауку» и «антинауку». Их природу будет уместно характеризовать высказыванием В.Д. Бакулова: «Таким образом, в *пределах видимых отношений* косвенного выражения, возможна его представленность в самом широком диапазоне образов и воплощений – от чисто внешних эмпирических данностей, до сложных теоретических построений, моделей, строго рациональных по своей соотнесенности и обоснованности структуре и составу компонентов»²⁰.

Итак, в контексте нашего исследования, под «превращенными формами знания» мы будем понимать не только и не столько формы мыслительного производства, знания и практики, в которых на разных этапах самополагания была представлена, функционировала и отчасти «происходит» сегодня наука, сколько *превращенные формы знания* – *донаучные и вненаучные* (обыденные и т.п.)*, *паранаучные, антинаучные* и прочие «другие» формы ментально-когнитивного и рационального освоения мира, которые бытуют и функционируют в системе общечеловеческого знания в тот или иной культурно-исторический период развития человечества как самостоятельные «сущности». Но в современный период их объективная роль как *косвенных ментально-когнитивных конфигураций* основана не только на восполнении и замещении, но и на деструктивном извращении действительных отношений *рационально-иррациональными идеальными конструкциями*. В процессе сложного метаморфоза на границах науки такие «превращенные» формы в своем трансформированном виде являют собой сложный и разный *образ знания* и, тем самым, науки, отражая способы ее саморазвития в сложных культурно-исторических контекстах.

Интуитивно кажется ясным, что при употреблении понятий «наука», «научность» «научное по/знание» и т.п., имеется в виду «набор» отличительных характеристик и инвариантных признаков, определяющих «лицо» научной формы знания и научного исследования. Система таких «различителей» традиционно выступает основанием для строгой демаркации науки от других видов и форм знания, которые, участвуя в производстве нового знания, научным знанием, тем не менее, не являются. Несмотря на то, что нормативные определения, в которых представлена идентификация науки, достаточно очевидны, тем не менее, понятие «наука», попадая в центр современной эпистемологической проблематики, не избежало определенных коллизий. Наряду с другими категориями оно наполняется новыми *неклассическими смыслами* и более широким «прочтением».

Система необходимых и отличительных признаков науки (научности), собственно, и задает направление, по которому должно осуществляться данное разграничение, так как они определяют качественную специфику научного познания и самополагание науки как многоуровневого, динамичного социального и когнитивного феномена. Сложившаяся

²⁰ Бакулов В.Д., Перетятыкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 250-251.

* В самом общем виде под *донаучным знанием* (в отличие от научного) принято понимать «зародышевые» формы познания, возникшие в недрах и на основе обыденного, стихийно-эмпирического, несвободного от мифологических наслоений, которые, будучи влетенными в наличную практику эпохи, обладают способностью порождать предметное и объективное знание о мире, выступая прототипом, предпосылочной базой собственно научного знания. То есть это «стихия» обыденно-практического познания, основой которого выступает повседневный опыт (предстает как совокупность ряда познавательных подсистем, в числе которых – чувственный, перцептивный опыт, естественный язык и здравый смысл).

ся и общепризнанная система необходимых и отличительных характеристик науки в сравнении с другими формами познавательной деятельности, включает в себя установку на исследование законов преобразования объектов и реализующая данную установку предметность и объективность знания; его воспроизводимость, доказательность, проверяемость; особый, специализированный язык, а также ориентацию на выход за границы предметных структур производства и обыденного опыта, установку на изучение, освоение объектов класса будущего, «не заданного» сегодняшними структурами производства.

В связи с тем, что вопрос самополагания науки и ее границ решается на фоне сложного метаморфоза донаучной и вненаучной познавательной активности человека, которая, со своей стороны, объемлет широкий комплекс когнитивных феноменов, необходимых для воспроизводства и развития социальной жизни, возникает потребность в уточнении смыслов дефиниции «вненаучное» знание», с позиции ее понимания как превращенной формы знания. В большинстве своем в учебной, научной, энциклопедической литературе под *вненаучным знанием* принято понимать многообразные формы знания и практики, не являющиеся областью компетенции науки. Их выражают *другие* формы познания (художественное постижение мира, обыденное познание, религиозный опыт и т.д.), обладающие высокой общепризнанной социокультурной ценностью. Невзирая на их *вненаучный статус*, они не представляют собой «опасности» ни для науки, ни, тем более, для социальной жизни²¹. Как правило, ситуация напряженности возникают вокруг другой части ненаучного комплекса – *маргинальных форм знания*, функционирующих «рядом» с наукой и «около» науки, что и фиксирует не только термин «паранаука», но и такие концепты как «новая», «новейшая», «продвинутая» наука, выдвигаемые в противовес прежней «консервативной», «косной» науке. Являясь *превращенными замещениями*, возникая и генерируясь *на границах науки* или же внутри нее самой (так называемая «методологическая оппозиция»), они не просто живут своей жизнью, но активно вторгаются во внутренние структуры науки, нарушая «привычный ход вещей» и, надо признать, доставляя научному сообществу немало хлопот.

С нашей точки зрения, размытость сегодняшней «рабочей» дефиниции «вненаучное знание», собирающей воедино совершенно разные (по сущностным и ценностным параметрам, по функциям в культуре) формы мыслительной деятельности, не дает ясно и целостного представления о феномене «вненаучного знания». Одного только указания на то, что вненаучное знание – это «отличное от науки знание», которое генерируется в иных, отличных от науки областях культуры и не наносит ей вреда», явно не достаточно и в некотором смысле даже ущербно. Включение маргинальных форм знания наряду с культурно самоценными формами духовного производства во *вненаучный комплекс* и закрепление этого факта в имеющихся дефинициях «вненаучного знания» нельзя считать достаточным.

Основная цель такого разграничения – акцентировать внимание на негативной, *деструктивной тенденции*, в русле которой *паранаучным формам* мыслительного производства придается в последнее время флер научного знания, что существенно затрудняет их «опознание» в цельной системе ненаучного знания, создает препятствия для методологической критики «всякого рода лженаук» (Б.И. Пригожин). Даже «невооруженным взглядом» видно, что разрушение основ традиционной научной и философско-методологической критики способствует ускорению процессов регенерации «двойников» науки. Но одна содержательная научная критика маргинальных форм знания не приводит к исчезновению девиаций, а, напротив, нередко стимулирует «симулятивное обновление» их содержания, которое после имитативного «обновления» остается таким же *девиантным и деструктивным*.

Главным признаком множественностей, подпадающих под понятие «отклоняющихся от науки» форм знания, является их несоответствие стандартам научного исследования и нормам научного этиоса²². Видимо, на данном основании некоторые авторы считают возможным объединить таковые дефиницией «девиантная наука». В результате характеристики, касающиеся «псевдонауки», автоматически переносятся на «девиантную

²¹ См.: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006. – С. 375.

²² См.: Уткина Н. В. Феномен девиантной науки: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.01. – Киров, 2009. – С.4.

науку», что не вполне корректно. С целью подчеркнуть внутреннюю неоднородность *вне-научного* знания и одновременно факт его демаркации от *антинаучного* («антинаука») допускается деление второго на подвиды, куда входят концепции, знания, верования, открыто *претендующие на научный статус*, а не просто существующие на границах науки в качестве превращенных (атавистических иррациональных) форм. В результате складывается четко выраженная классификация, анализ которой позволяет подойти к важным обобщениям и выводам.

Первый блок антинаучных концепций составляют различные *эзотерические и мистические учения и практики*, истолковывающиеся как своего рода «научные знания»: их описание дается в наукоподобных терминах (имитация), используется область научной проблематики при росте тенденций придать таким «знаниям и практикам» статус науки (например, предлагается «особая» картина мира, альтернативная современной научной), отмечаются попытки ввести в состав науки ряд практик, выходящих за ее рамки²³. Теоретическая наука, как известно, изначально отгородилась от таких непрошенных оппонентов и «союзников» своими программными установками. Однако, судя по расцвету «разного рода наук» в XXI веке, этого оказалось недостаточно. Сегодня на статус научного знания небезуспешно претендуют идеальные рационально-иррациональные конструкции, демонстрирующие свою «эпистемологическую нестандартность» и «трансгуманитарную нагруженность»*. Обобщая, можно указать на общую специфику внеаучных превращенных форм знания этого блока: они возникают на границах науки, около, рядом с ней; привносятся в науку «из *вне*», маскируются под науку и озабочены поисками «своего места» на поле науки.

Второй блок превращенных форм знания образуется ярко выраженными *маргинальными антинаучными концепциями* под видом «нового развития науки». Они возникают часто внутри самой науки, их истоками порой является мотивированная деятельность ученых, претендующих на *радикальное изменение* научной картины мира без достаточных на то оснований; выступают своего рода «методологической оппозицией» внутри науки; с трудом поддаются элиминации; представляют для науки повышенную «зону риска». Несвоевременная элиминация лжеучений из науки создает неадекватные образы самой науки. В методологическом ракурсе концепция «антинауки» получила разработку в трудах Дж. Холтона, который дает типологизацию наиболее значительных течений «антинауки». Современная антинаука характеризуется как «стихийный консорциум», сложившийся приблизительно к концу прошлого столетия, участники которого объединены более или менее осознанной целью по ниспровержению науки как принципа отношения к действительности, выявившего свою несостоятельность, и подлежит существенной корректировке, либо своей заменены каким-то иным принципом²⁴, то есть паранука при определенной «полезности» науке, в частности, в области генерации новых идей, может перейти, трансформироваться в антинауку.

Иначе говоря, перед нами совокупность маргинальных и деструктивных форм знаний и практик, возникающих на границах и внутри самой науки под видом «нового» развития науки и с трудом поддающихся элиминации из нее.

Реализованный анализ позволил нам придти к пониманию представленного ряда взаимосвязанных и существующих на границах науки «других», донаучных и внеаучных феноменов как «*превращенных форм знания*» и отразить механизмы их функционирования в ходе сложного метаморфоза на границах науки в перспективе ее самополагания и самообоснования. Специфика концепта «превращенная форма» делает уместным ее использование в качестве универсального «рабочего механизма» по осуществлению историко-научной и методологической экспликации *границ науки* и «других», *ненаучных форм знания*. Идея «превращенности» позволяет достичь необходимой глубины в понимании сущности современных коллизий в сфере неклассической эпистемоло-

²³ См.: Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. – № 1. – 2000. – С. 19.

* Определённая философская база подводится под различного рода теософские течения типа «Тайной Доктрины» Е. Блаватской или «Агни Йога» Е. Рерих и т.п. с присущей им популяризацией религиозно-философских взглядов, астрологии (отчасти под видом создания «универсальной синтетической религии»).

²⁴ Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 58.

гической проблематики, выявить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах науки, отрефлексировать процессы, связанные с метаморфозом форм знания, с «высоты» современности.

Список литературы

1. Бакулов В.Д., Перетятыкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009.
2. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 35-36
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. – М., 1970.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. Т. VIII. – М.-Л., 1935.
5. Ермоленко А.Н., Райда К.Ю. Превращенные формы социальной рациональности (Критика буржуазных концепций) – Киев, 1987.
6. Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.-Г. Юнга // Вопросы психологии. – 1999. – №2.
7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М., 1984.
8. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962.
9. Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984.
10. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – №6. – С. 128-140.
11. Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. – М., 2010.
12. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1968. – №6. – С. 14-25.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990.
14. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 386-389
15. Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т.8. – М., 1957.
16. Новикова О.С. Национальное самосознание как «форма превращенная» социальных отношений. – М., 1998.
17. Режабек Е.Я. Гете о проблеме становления органических целостностей // Философские науки. – 1982. – №3. – С. 90-97.
18. Режабек Е.Я. К вопросу о диалектике саморазвития // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 38-45.
19. Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д, 1993.
20. Режабек Е.Я. Категории органической целостности в диалектике Гегеля // Известия СКЦ ВШ. Общественные науки. – 1981. – №3. – С. 26-31.
21. Режабек Е.Я. Особенности органических систем и принцип историзма // Вопросы философии. – 1981. – №5. – С. 29-38.
22. Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. – Москва – Ростов н/Д, 2011
23. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: под ред. В.П.Римского. – Белгород, 2008.
24. Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60.
25. Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
26. Римский В.П., Ковальчук О.В. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; и др.
27. Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. – № 1. – 2000. – С. 19.
28. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006.
29. Уткина Н. В. Феномен девиантной науки: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.01. – Киров, 2009.
30. Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2007
31. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 58.

32. Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008.

SELF-ESTIMATION OF SCIENCE AND CONVERTED FORMS OF KNOWLEDGE

V.P. RIMSKIY¹
G. N. KALININA²

*¹Belgorod State National
Research University*

*²Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

The paper concerns the philosophical and methodological elaboration of the concepts "converted form" and "converted forms of knowledge" which helps both define their specificity and reveal the metamorphosis and transformations in the whole concrete historical systems of knowledge, and also view the limits of science and "other knowledge" (non-scientific forms of knowledge) in different cultural and historical periods. The paper considers the links between the self-estimation of science's limits and generation of alternative forms of knowledge adjacent to science.

Keywords: converted forms, metamorphosis, destructive converted form, scientific form of knowledge, pre-scientific and non-scientific forms of knowledge, converted forms of knowledge, marginal and destructive forms of knowledge.